

Федяева Е. В. Роль числового символизма в интерпретации свойств и отношений действительности / Е. В. Федяева // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 126—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-126-138.

Fedyayeva, E. V. (2017). Role of Numerical Symbolism in Interpreting Relations and Properties of Reality. *Nauchnyy dialog*, 5: 126-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-126-138. (In Russ.).

УДК 81'22:81'367.627

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-126-138

Роль числового символизма в интерпретации свойств и отношений действительности

© Федяева Елена Владимировна (2017), orcid.org/0000-0002-8488-3511, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия), fedyayeva_lena@mail.ru.

Рассматривается роль числового символизма в осмыслении результатов познания человеком окружающей действительности, интерпретации его отношений и свойств, формировании образа мира. Особое внимание уделяется трансцендентной природе числового символизма, которая заключается в том, что, являясь архетипом человеческого бессознательного, одним из базовых символов, когнитивных паттернов, присущих всему человечеству, образ числа инкорпорирован в сознание человека. Числовой символизм, как одна из областей человеческого знания, играл важную роль в формировании не только ранних представлений об окружающем мире, но и культурных систем в целом. Современное осмысление глубинной структуры природы и человеческого разума, базирующееся на соотношении с числом, свидетельствует об использовании чисел не только в качестве инструмента для операции счёта, но и в качестве инструмента интерпретации свойств и отношений действительности, что находит своё отражение в языке. Представлены результаты сопоставительного анализа фразеологизмов с нумерологическим компонентом в английском, французском, русском языках. Анализ фактического материала показывает, что числа представляют класс знаков, ориентированных на качественно-количественную оценку. Этим обусловлена актуальность дальнейшей разработки проблемы интерпретирующего потенциала числа.

Ключевые слова: числовой символизм; качество; интерпретация; фразеологизм.

1. Вводные замечания

Понимание символического сознания как специфического способа познания действительности, в качестве смыслового центра которого выступает символ, предполагает возможность репрезентации глобальных смыслов в символическом виде.

Мысль о том, что человек нуждается в символах, что человеческое знание имеет символическую природу, представляет собой одну из старейших проблем антропологической философии. Символическое мышление, как известно, подразумевает способность проводить границу между реальной вещью и возможной, между действительной, связанной с материальным опытом, то есть ощущениями, и идеальной. По словам Н. Д. Арутюновой, «символ легко преодолевает “земное тяготение”, он стремится обозначать вечное и ускользящее. Поэтому символ часто имеет неотчётливые трансцендентные смыслы» [Арутюнова, 1998, с. 339]. В словарной статье, посвященной символу, содержащейся в «Новой философской энциклопедии», указывается, что «уже у истоков философского мышления мы находим искусство построения символов — в тех случаях, когда понятие сталкивается с трансцендентным» [НФЭ, 2010, с. 532].

Л. Витгенштейн, по мнению Г. И. Берестнева, впервые строго сформулировал и обосновал в качестве насущной и чрезвычайно важной для философии, лингвистики и других наук, связанных с человеческим познанием, проблему трансцендентных содержаний, находящихся за пределами языка и языкового мышления. Эта трансцендентная область, находящаяся за пределами языкового выражения, особенно активно заявляет о себе при осмыслении человеком фундаментальных категорий бытия. Так, трансцендентны этика и эстетика, математика и логика. И именно предощущение Невыразимого, понимание его тайны движет человеческой мыслью [Берестнев, 2008, с. 37—38].

К. Юнг, занимавшийся проблемой трансцендентных содержаний и развивший учение о коллективном бессознательном, в образах которого он и видел источник общечеловеческой символики, выдвинул тезис о том, что «представление о числе имеет архетипический характер, поскольку существует значительная сфера бессознательного, которая изначально проявляется автономно в качестве парапсихологического феномена так же, как она проявлялась у первобытных людей» [Юнг, 1998, с. 100]. Число, таким образом, как чистое априорное понятие берет своё начало в рассудке, а не в образе чувственности. Недоступная опытному познанию и, следовательно, трансцендентная природа числового символизма как одной из областей человеческого знания заключается в том, что образ числа инкорпорирован

во сознание человека и является архетипом человеческого бессознательно-го, одним из базовых символов, присущих всему человечеству.

2. Числовой символизм как способ интерпретации мира

В отсутствие достаточного научного знания человек, по природе своей склонный к символизации, в процессе познания создает особый способ освоения этого мира — символический, который, отражая наиболее существенные отношения окружающей реальности, предоставляет ему ключ к пониманию онтологии мира. Идея числа, рассматриваемая, по словам Г. Бидерманна, «в качестве “архе” (первоначал и сущностей) всех вещей, как господствующая и несотворимая связь и основа вечной устойчивости внутримирового порядка вещей» [Бидерманн, 1996, с. 298], а также связанные с числом представления формировались постепенно, отражая степень познания социумом окружающего мира и специфику интерпретации им различных явлений, отношений и свойств действительности. Например, в мифологии славян число являлось инструментом моделирования устройства Вселенной, у древних греков числа ассоциировались с гармонией и порядком в противовес Хаосу, в сакральной пифагорейской математике наука чисел была наукой божественных качеств в действии. В философии мира китайцев «бытие» — название матери «десяти тысяч вещей», включая человека, который есть то, среди десяти тысяч вещей, что обладает разумом [Тань Ао-шуан, 2014, с. 12]. Становится очевидным, что в архаический период числа выполняли качественную, оценочно-символическую функцию и именно в своём неколичественном значении число приобретало статус символа, ориентируя на качественно-количественную оценку. В подтверждение отметим, что в философских рассуждениях китайцев идея количества не играла особой роли — китайцы склонны были пренебрегать количественной стороной чисел, поэтому понятие арифметической единицы и сложения всегда оставалось на втором плане. Значительно больший интерес представляла их изобразительная и описательная сила, поскольку, в представлении китайцев, числа есть качественные структуры, представляющие порядок, вершащий всей жизнью во вселенной, поэтому они использовались для изображения постоянных соотношений между понятиями в их качественной иерархии. Манифестируя конкретные особенности обустройства, числа обозначают соответствия запахов и звуков, пищи и музыки, гармонию точного соотношения частей, см. об этом [Granet, 1968]. Приведённые замечания М. Гране, с одной стороны, свидетельствуют о тесной взаимосвязи количества и качества, обусловленной

самой онтологией мира, а с другой стороны, указывают на тот факт, что, поскольку первичным в познании является ощущение, человек стремится соотнести число как абстракцию высшего порядка, как трансцендентное содержание, с осязаемыми сущностями, а значит, и с более конкретным и понятным ему содержанием. В этой связи Р. Генон подчёркивает, что «символика представляется нам особо отвечающей потребностям человеческой природы, которая не является чисто интеллектуальной, но которая для того, чтобы взойти к высшим сферам, нуждается в чувственно осязаемой опоре» [Генон, 2002, с. 35].

Отметим, что и сегодня мнение о том, что глубинная структура природы имеет математический характер, лежит в основе теоретического знания о мире. По словам Дж. Каппраффа, все естественные процессы, логические процессы нашего разума и даже наше генетическое строение функционируют согласно принципам, базирующимся на числе [Karrpraff, 2002, p. 377].

Анализ символики числа указывает на тот факт, что подобно тому, как различаются между собой объекты, явления и события, одно число отличается от другого присущими только ему индивидуальными характеристиками. Сформировавшиеся в сознании человека в процессе умозаключений характерные свойства чисел запечатлены в символическом числовом коде. Так, например, символизм, отражающий качественный характер чисел, непосредственно представлен в условном разделении чисел на так называемые «несчастливые» и «счастливые». В западных культурах число тринадцать часто воспринимается как «несчастливое» число. По мнению В. Ф. Хоппера, этому факту может быть несколько объяснений. Одно из объяснений связано с необходимостью привести ранние лунные календари в соответствие с солнечным годом, вынуждавшей добавить тринадцатый «лишний» месяц, который воспринимался как диссонирующий, нарушающий гармонию и, следовательно, ассоциировавшийся с несчастьем. Кроме того, у Фауста число тринадцать связывалось с дьявольскими искусствами и составляло Адскую Иерархию. В Великобритании и других западных странах 13 ассоциируется с колдовством и черной магией. Существует также суеверие, связанное с присутствием тринадцати за столом, что ассоциируется с последней трапезой Иисуса Христа [Норрег, 2000, p. 132].

К так называемым «счастливым» числам в западных культурах традиционно относят числа «три», «семь», «девять», тогда как, например, в китайской культуре числа «шесть» и «восемь» символизируют успех и благополучие, в коннотативном аспекте значения последнего присутствует признак 'богатство' [Пшенкина, 2014, с. 240].

Таким образом, начиная с архаических времён, числовой символизм играл важную роль в процессах формирования не только ранних представлений об окружающей человека действительности, но и культурных систем в целом. В нём тесно переплетался вопрос о происхождении мира с вопросом о том, что есть число по отношению к человеку как необходимость самопознания. Современное осмысление глубинной структуры природы и человеческого разума, базирующееся на соотношении с числом, свидетельствует об использовании чисел не только в качестве инструмента для операции счёта, но и в качестве инструмента интерпретации свойств и отношений действительности, что находит своё отражение в языке.

3. Числовой символизм в языке

Сегодня в рамках когнитивного подхода одной из основных задач, как известно, считается выявление скрытых глубинных механизмов познания, исследование соотношения языковых и трансцендентных содержаний.

Как источник знания и опыта, окружающая человека действительность структурирована его сознанием — «такой составляющей инфраструктуры мозга, в которой сосредоточен весь ментальный опыт, усвоенный человеком за время его жизни и отражающий накопленные человеком впечатления, ощущения, представления и образы в виде смыслов или концептов единой концептуальной системы» [Кубрякова, 2004, с. 13—14]. В процессах познания и формирования концептуальных структур подчеркивается особая роль знаний, не столько полученных от ощущений и имеющих перцептуальную основу (*bodily experience*), сколько теоретических, позволяющих человеку выйти за пределы непосредственно наблюдаемого, к которым относятся, например, чисто умозрительно строящиеся представления в сфере числа [Кубрякова, 2008, с. 22]. Представления о числе, пространстве и времени формируются с помощью образного мышления, позволяющего человеку пересекать пространства, прорываться через воображаемые временные и математические границы (см. об этом [Кассирер, 1998]). Следовательно, символы есть образы — продукт внечувственной деятельности сознания.

Благодаря способности сознания к интерпретации, определяемой в широком смысле как «мыслительная операция, направленная на получение нового знания коллективного уровня» [Болдырев, 2016, с. 178—179], знание формируется в определённой конфигурации и передаётся в разных формах, в том числе, как представляется, с привлечением образно-символьной составляющей. В терминах когнитивной лингвистики можно

говорить о том, что на ментально-языковом уровне символ может рассматриваться в качестве одного из когнитивных механизмов формирования смысла и одновременно результат работы данного механизма [Маслова, 2015, с. 20].

Поставив вопрос о том, каким образом глубинная образная содержательная структура числа переводится на поверхностный уровень языковых смыслов при интерпретации числовых символов, обратимся к анализу фразеологических единиц с нумерологическим компонентом. Являясь компонентом фразеологических единиц, имя числительное приобретает нематематическое символическое значение. Значение же в когнитивном понимании рассматривается как «когнитивный феномен, за которым стоит определённая структура знания» [Кубрякова, 1997, с. 256]. Особый интерес в связи с этим представляют возникающие при этом количественно-качественные гибридные смыслы.

Анализ фактического материала показывает, что универсальным показателем культурной значимости в составе фразеологизмов с нумерологическим компонентом являются числительные первого десятка. Так, слово, обозначающее число «два», в структуре фразеологизма ведёт к формированию глубинных смыслов, связанных с неоднозначностью и нерешительностью. Вероятно, это объясняется тем, что ещё Плотин использовал пифагорейский комплекс представлений о так называемой неопределённой двойце, первом различии и «дерзости», ставшей причиной перехода единого во множество [Плотин, 1994, с. 23]. О. Марквард указывает на корреляцию слов *zwei* («два») и *zweifel* («сомнение») в немецком языке, что, по мнению философа, указывает на то, что число «два» автоматически привносит в нашу жизнь неуверенность и колебание [Marquard, 1991, p. 4]. Обратимся к примеру: *'Leave him alone! Isambard had halted, frowning a little, in two minds whether to go back to him ...* [Pargeter, 1987, p. 126] (*'Оставь его! Изамбард остановился, слегка нахмурившись, в нерешительности, вернуться ли к нему ...*)¹. Приведённый контекст подтверждает тот факт, что слово *two* «два» в структуре фразеологизма *«to be in two minds»* указывает на качественное состояние сомнения и неуверенности героя в принятии решения.

Заметим, что культурно значимым символьным противопоставлением может считаться тот факт, что в сознании представителей китайского лингвокультурного сообщества число «два» ассоциируется с биполярностью космоса, женским и мужским началами, которые обеспечивают стабиль-

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

ность, полярность и гармонию во Вселенной [Тань Аошуан, 2004, с. 72]. Подобные расхождения свидетельствуют о том, что «культурная значимость фразеологизмов повышается в тех случаях, когда в его структуре присутствует символическая составляющая, поскольку символ чаще интерпретируется в терминах культуры» [Баранов и др., 2008, с. 269].

Универсальными представлениями, присущими числу «четыре» в различных культурах, являются представления о целостности и устойчивости структуры — четыре стороны света, четыре времени года, стороны квадрата. Культурно специфическим можно считать тот факт, что во французском языке фразеологизм с компонентом четыре в составе реализует значение оценки некоторого качества: *Je m'excusais de mes faiblesses, me complaisais de ce mélodrame à quatre sous, et j'ignorais que ma vie passait à toute vitesse et que moi je passais à côté* [Levy, 2000, p. 179] (*Я прощала себе свои слабости, мне нравилась эта дешёвая мелодрама, но я не замечала, что моя жизнь слишком быстро проходит мимо меня*). Оперирование знанием о том, что «су» было достаточно мелкой денежной единицей во Франции, ведёт к формированию смысла 'незначимый', 'несущественный'.

Анализ фактического материала показывает, что во фразеологическом фонде многих языков широко представлено число «семь». В русском языке число «семь» может символизировать, например, качественно неопределённую степень родства: *Он тяжело принял к сердцу этот мезальянс, — а Татяша не приехала вообще (они ведь с папой живут теперь в Княжом у тети Руфины Эрстовны, хотя какая она там тетя, так, седьмая вода на киселе)* [Васильев, 1999, с. 49]. Использование метода когнитивного моделирования, предлагаемого А. Н. Барановым, Д. О. Добровольским [Баранов и др., 2008, с. 223], для объяснения мотивации актуального значения идиомы структурой знания, которая стоит за образом или символом, лежащим в основе внутренней формы идиомы, показывает, что совокупность знаний, выступающая основой для интерпретации фразеологизма седьмая вода на киселе, может быть представлена в виде фрейма. Фрейм-источник представляет собой стереотипную ситуацию и, следовательно, делает возможным оперирование знанием о том, что, когда кисель долго стоит, он теряет свою прежнюю консистенцию, на нём появляется слой воды, свидетельствующий об изменении его качества. При взаимодействии между фреймами источника и цели происходит «перенос» значения, в основе которого лежит функция отображения, и, как результат, воспроизведение структуры фрейма-источника во фрейме-цели. Проецирование фрейма-источника на фрейм-цель профилирует идею 'изменённого качества', 'примеси' и, следовательно, 'крайней степени отдаленности родства'.

В целом в западной цивилизации числу «семь» свойственна символика, соотносимая с представлениями о счастье. Сравним, например, выражения в немецком и русском языках: *auf Wolke sieben sein* / *чувствовать себя на седьмом небе*. Формирование подобного рода смыслов наблюдается также во французском и английском языках: *Joséphine eut envie de se jeter à son cou, mais elle se retint et reçut sans rien dire une épaisse bouffée de cigare qui la fit tousser et effaça son sourire de septième ciel* [Pancoi, 2010, p. 167] (*У Жозефины было желание броситься ему на шею, но она сдержалась, получив в лицо клуб табачного дыма, который заставил её так закашляться, что счастливая улыбка сошла с её лица*); *Shazzer was in seventh heaven putting them on speaker phone then murmuring sexily, 'Hello, is that First Time Advertised on the line?'* [Fielding, 2004, p. 212] (*Шеззер была на седьмом небе, дозваниваясь до них и сексуально шепча в трубку: «Алло, это "Первое знакомство" на линии?»*).

Говоря о качественной символике числа «семь», заметим также, что в китайском языке наличие в структуре фразеологизма слова, обозначающего число «семь», ведёт к формированию смыслов, связанных с представлениями о таком абстрактном качественном понятии, как талант: *qi bu cheng zhang* («за семь шагов сочинить стихотворение»). По словам Тань Аошуан, в основе значения данного фразеологизма лежит знание о том, что поэт Цао Чжи, спасая себя от казни, успел написать стихотворение за то время, которое понадобилось ему, чтобы сделать семь шагов [Тань Аошуан, 2004, с. 81]. Подобного рода примеры свидетельствуют о том, что символика того или иного числа часто задаётся знаниями о культурных и религиозных традициях, политических и исторических событиях, актуальных для жизни лингвокультурного сообщества.

Формирование смыслов, связанных с представлением о счастье, присуще и слову *nine* («девять») в английском языке. Например: *How glorious it must have been when all ten of the videocam screens were on and you can get the full panoramic view. Toke up, sit back, drift on cloud nine* [Atwood, 2004, p. 324] (*Как это должно быть замечательно, когда все из десяти видеокамер включены и тебе открывается панорамный вид. Затянуться, устройшись поудобнее, и наслаждаться*).

Отметим, однако, что частотность употребления фразеологизма «быть счастливым» с числом «семь» / «seven» намного выше, чем с «девять» / «nine», что объясняется процессом постепенного вытеснения числом «семь» / «seven» числа «девять» / «nine», обладавшего в древнегерманской культуре существенной символической значимостью [Баранов и др., 2008, с. 271], что находило отражение в повседневной жизни, когда, например,

расстояние в девять шагов использовалось в качестве меры длины, а неделя насчитывала девять дней. В этом контексте анализ фразеологизма *a nine days' wonder* указывает на то, что число «девять» / «nine» символизирует 'нечто, воспринимаемое как весьма привлекательное в определенный период, но впоследствии очень быстро забытое': *'That's just vanity,' said Mavis. "You aren't as interesting as all that, my dearest child, except to those who love you. You won't even be a nine-days' wonder... [Murdoch, 2003, p. 236] ("Это просто тщеславие говорит в тебе. Ты вовсе не такая уж интересная, моя дорогая, разве что для тех, кто тебя любит. Тебя как сенсации и на неделю не хватит!")*.

Еще одним примером реконструкции символики числа «девять» в английской культуре может служить анализ фразеологизма *to be dressed up to the nines* 'быть очень нарядно одетым': *He comes to your house, he has everything done for him. You turn up all dressed up to the nines for his ghastly Tory friends and what does he do? [Fielding, 2004, p. 71] (Он приходит в твой дом на всё готовое. Ты появляешься разодетая для его отвратительных дружков тори, и что же делает он?)*. В качестве одного из возможных объяснений мотивации актуального значения данного фразеологизма может рассматриваться обращение к определённым структурам знания, связанным с традициями в области судоходства. Когда-то во время торжественных событий или по случаю празднования победы на судах, традиционно имевших в то время по три мачты, каждая три ярда в высоту, поднимали все паруса (в сумме это составляло девять ярдов). Поэтому было принято говорить, что корабли «*were dressed up to the nines*» [Шитова, 2013, с. 140]. Проецирование фрейма-источника (КОРАБЛЬ) как дескриптивного символа-ситуации на фрейм-цель (ЧЕЛОВЕК) профилирует признак 'быть нарядно одетым'.

4. Выводы

Подводя итог, отметим, что символ осмысливается как особый знак трансцендентных содержаний, предполагающий возможность представления знания о мире в форме подвижных образов. Символ как когнитивный механизм формирования смысла подразумевает выход за рамки ощущений, полученных при помощи органов чувств.

Числовой символизм можно рассматривать в качестве одной из когнитивных универсалий, отражающей результаты познания человеком окружающей действительности, интерпретации его отношений и свойств.

Анализ фактического материала показывает, что числа представляют класс знаков, ориентированных на качественно-количественную оценку,

о чём, в частности, свидетельствует анализ фразеологизмов с нумерологическим компонентом в различных языках.

В заключение отметим, что несмотря на существование достаточного количества работ, посвящённых исследованию числа, проблема его интерпретирующего потенциала представляется ещё недостаточно изученной.

Источники и принятые сокращения

1. *Васильев Б.* Дом, который построил Дед / Б. Васильев. — Москва : Вагриус, 1999. — 430 с.
2. НФЭ — *Новая философская энциклопедия* : в 4 томах / Институт философии РАН ; ред. В. С. Степин [и др.]. — Москва : Мысль, 2010. — Т. 3. — 692 с.
3. *Atwood M.* Oryx and Crake / M. Atwood. — London : Virago Press, 2004. — 436 p.
4. *Fielding H.* Bridget Jones : The Edge of Reason / H. Fielding. — London : Picador, 2004. — 422 p.
5. *Levy M.* Et si c'était vrai... / M. Levy. — Paris : Robert Laffont, S. A., 2000. — 251 p.
6. *Murdoch I.* An Accidental Man / I. Murdoch. — London : Vintage, 2003. — 377 p.
7. *Pancol K.* Les йcureuils de Central Park sont tristes le lundi / K. Pancol. — Paris : Albin Michel, 2010. — 944 p.
8. *Pargeter E.* The green branch / E. Pargeter. — London : Warner Books, 1987. — 285 p.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 896 с.
2. *Баранов А. Н.* Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Знак, 2008. — 656 с.
3. *Берестнев Г. И.* К философии слова (лингвокультурологический аспект) / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. — 2008. — № 1. — С. 37—65.
4. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная природа языка : сборник статей / Н. Н. Болдырев. — Москва, Берлин : Директ-Медиа, 2016. — 256 с.
5. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / Г. Бидерманн ; пер. с нем., ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. — Москва : Республика, 1996. — 335 с.
6. *Генон Р.* Символы священной науки / Р. Генон. — Москва : Беловодье, 2002. — 487 с.
7. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. — Москва : Гардарика, 1998. — 784 с.
8. *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 6—17.
9. *Кубрякова Е. С.* О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания / Е. С. Кубрякова // Когнитивные исследования

языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации : сб. науч. трудов. — Москва-Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. — С. 11-24.

10. *Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. — Москва : ИЯ РАН, 1997. — 331 с.

11. *Маслова Ж. Н.* Творческое языковое сознание : монография / Ж. Н. Маслова. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. — 300 с.

12. *Плотин.* Избранные трактаты : в 2 томах / Плотин ; пер. с древнегреческого под ред. проф. Г. В. Милованского. — Москва : РМ, 1994. — Т. 1. — 128 с.

13. *Пшеникина Т. Г.* Роль символической составляющей при анализе содержания фразеологических единиц: сопоставительный аспект / Т. Г. Пшеникина // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы II международной научной конференции, Барнаул 8—10 октября 2014 г. — Барнаул : АлтГПА, 2014. — С. 239—241.

14. *Тань Аошунан* Китайская картина мира : Язык, культура, ментальность / Тань Аошунан. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 240 с.

15. *Шитова Л. Ф.* Словарь цифровых идиом (Digital Idioms) / Л. Ф. Шитова. — Санкт-Петербург : Антология, 2013. — 160 с.

16. *Юнг К. Г.* Психология бессознательного / К. Г. Юнг ; пер. с нем.: В. Бакусев, А. Кричевский, Т. Ребеко. — Москва : АСТ-ЛТД : Канон+ : Реабилитация, 1998. — 399 с.

17. *Granet M.* La Pensée Chinoise / M. Granet. — Paris : Editions Albin Michel, 1968. — 614 p.

18. *Hopper V. F.* Medieval number symbolism: its sources, meaning, and influence on thought and expression / V. F. Hopper. — New York, Mineola : Dover Publications Inc., 2000. — 241 p.

19. *Kapprauff J.* Beyond Measure : A guided tour through Nature, Myth, and Number / J. Kapprauff. — New Jersey, London, Singapore, Hong Kong : World Scientific, 2002. — 582 p.

20. *Marquard O.* In Defense of the Accidental. Philosophical Studies / O. Marquard. — Oxford : University Press, 1991. — 144 p.

Role of Numerical Symbolism in Interpreting Relations and Properties of Reality

© **Fedyeva Elena Vladimirovna (2017)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Faculty for Humanities, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia), fedyeva_ena@mail.ru

The role of numerical symbolism in the interpretation of the results of understanding the surrounding reality, interpreting its relations and properties, forming the image of the world is considered. Special attention is given to the transcendental nature

of numerical symbolism, which consists in the fact that, being the archetype of the unconscious human, being one of the basic symbols and cognitive patterns common to all of humanity, the image of the number is incorporated in the human consciousness. Numerical symbolism, as one of the areas of human knowledge, played an important role in the formation of not only early ideas about the world, but also cultural systems in general. Contemporary understanding of the deep structure of nature and the human mind, based on the correlation with the number, indicates the use of numbers not only as a tool for calculation, but also as a tool of interpretation of properties and relations of reality, which is reflected in the language. The results of the comparative analysis of phraseological units with a numerological component in English, French, Russian languages are presented. Analysis of factual material shows that the numbers represent a character a class of signs focused on qualitative and quantitative assessment. This determines the relevance of further development of the problem of interpreting the potential number.

Key words: numerical symbolism; quality; interpretation; phraseological unit.

Material resources

- Atwood, M. 2004. *Oryx and Crake*. London: Virago Press.
- Fielding, H. 2004. *Bridget Jones: The Edge of Reason*. London: Picador.
- Levy, M. 2000. *Et si c'était vrai...* Paris: Robert Laffont, S. A.
- Murdoch, I. 2003. *An Accidental Man*. London: Vintage.
- NFE — Stepin, V. S. (ed.). 2010. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. Moskva: Mysl. 4/3. (In Russ.).
- Pancol, K. 2010. *Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi*. Paris: Albin Michel.
- Pargeter, E. 1987. *The green branch*. London: Warner Books.
- Vasiliev, B. 1999. *Dom, kotoryi postroil Ded*. Moskva: Vagrius. (In Russ.).

References

- Arutyunova, N. D. 1998. *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Dobrovolskiy, D. O. 2008. *Aspekty teorii frazeologii*. Moskva: Znak. (In Russ.).
- Berestnev, G. I. 2008. K filosofii slova (lingvokulturologicheskiy aspekt). *Voprosy yazykoznanija*, 1: 37—65. (In Russ.).
- Bidermann, G. 1996. *Entsiklopediya simbolov*. Moskva: Respublika. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. 2016. *Kognitivnaya priroda yazyka: sbornik statev*. Moskva, Berlin: Direkt-Media. (In Russ.).
- Genon, R. 2002. *Simvol'y svyashchennoy nauki*. Moskva: Belovodiye. (In Russ.).
- Granet, M. 1968. *La Pensée Chinoise*. Paris: Editions Albin Michel.
- Hopper, V. F. 2000. *Medieval number symbolism: its sources, meaning, and influence on thought and expression*. New York, Mineola: Dover Publications Inc.
- Kappraft, J. 2002. *Beyond Measure: A guided tour through Nature, Myth, and Number*. New Jersey, London, Singapore, Hong Kong: World Scientific.
- Kassirer, E. 1998. *Izbrannoye. Opyt o cheloveke*. Moskva: Gardarika. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. 1997. *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya*. Moskva: IYa RAN. (In Russ.).

- Kubryakova, E. S. 2004. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktualnykh problemakh kognitivnoy lingvistiki. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 1: 6—17. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. 2008. O sootnoshenii yazyka i deystvitelnosti i svyazi etoy problemy s traktovkoy ponyatiya znaniya. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. III. Tipy znaniy i problema ikh klassifiktsii: sb. nauch. trudov*. Moskva-Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. 11—24 (In Russ.).
- Marquard, O. 1991. *In Defense of the Accidental. Philosophical Studies*. Oxford: University Press.
- Maslova, Zh. N. 2015. *Tvorcheskoye yazykovoye soznaniye: monografiya*. Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russ.).
- Plotin. 1994. *Izbrannyye traktaty*. Moskva: RM. 2/1. (In Russ.).
- Pshenkina, T. G. 2014. Rol simvolnoy sostavlyayushchey pri analize sodержaniya frazeologicheskikh edinits: sopostavitelnyy aspekt. In: *Funktsionalno-kognitivnyy analiz yazykovykh edinits i ego aplikativnyy potentsial: materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Barnaul: AltGPA. 239—241. (In Russ.).
- Shitova, L. F. 2013. *Slovar' tsifrovyykh idiom (Digital Idioms)*. Sankt-Peterburg: Antologiya. (In Russ.).
- Tan Aoshuan. 2004. *Kitayskaya kartina mira: Yazyk, kultura, mentalnost*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Yung, K. G. 1998. *Psikhologiya bessoznatelnogo*. Moskva: AST-LTD: Kanon+: Reabilitatsiya. (In Russ.).